

(рек.)

ПРАВДА
МОСКВА

20 ЯНВ 1986

Фильмы меняют нас

Беседа с режиссером Э. Климовым

Фильм «Иди и смотри», поставленный Элемом Климовым, стал художественным открытием и был увенчан Золотым призом XIV Московского международного кинофестиваля. Он был показан уже в нескольких кинотеатрах столицы, а вскоре выходит и на широкий экран. Со своей картиной режиссер побывал и в ряде зарубежных стран.

Корреспондент «Правды» попросил Э. Климова поделиться раздумьями о некоторых аспектах его художественного замысла, встречах со зрителями, современных проблемах киноискусства. Разговор начался с названия картины, которое звучит как обращение, почти повеление.

— Слова «Иди и смотри» — рефрен Апокалипсиса, одной из книг Библии, которую нередко вспоминают в наши дни как поэтическую метафору «конца света», — говорит Элем Германович. — А ведь угроза всеобщего уничтожения возникла ныне реально, если не остановить безумную гонку вооружений. На укрепление мира, доверия между народами направлены усилия нашей партии, государства, всего народа. А мы своим фильмом хотим к тому же напомнить, что многие люди в пламени фашистской агрессии уже пережили поистине апокалипсический ужас.

Наш призыв прежде всего к молодым зрителям. Необходимо, чтобы поколения, выросшие в условиях мирной жизни, почувствовали, так сказать, собственную кожей, что такое война. В фильме она показана в самых жестоких формах: уничтожение мирного, безвинного населения. Картина нацелена на эмоциональное просвещение молодого зрителя и, вызвав гнев, боль, ужас, должна побудить его к более активным действиям против подготовки атомного пожара. А название было выбрано нами еще до начала съемок: первоначально сценарий назывался «Убейте Гитлера». Но ведь дело не только в Гитлере, он явился лишь одной из сил того, что мы обозначаем такими словами, как «империализм», «фашизм», «нацизм».

Признаюсь, я и писатель Алесь Адамович с тревогой ждали, как наш фильм будут смотреть, пойдет ли на него зритель. Ведь, создавая картину, мы понимали, что хатынскую историю можно рассказать только очень правдиво, даже жестоко. Она требует такого языка, и мы решили, что жалеть зрителя не будем, более того, не имеем права, ибо так диктуют реальные события, о которых фильм напоминает.

Но вот прошли первые показы картины в Москве, первые встречи со зрителями. Они

опровергают ложное мнение, что, мол, наш молодой зритель хочет видеть только развлекательные, бездумные ленты. Молодежь привлекает кино, которое ставит большие проблемы современной жизни, открывает новое, малоизвестное, требующее анализа. Она хочет видеть правду, хочет размышлять, переживать, а это значит — хочет меняться.

Мне довелось наблюдать за зрительской реакцией и в социалистических странах — Италии, Испании, Франции, Англии, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, ГДР, АРГ, а также в Западном Берлине. Она в массе примерно одинакова. Но есть и противники фильма. Так, нам довелось услышать упрек в том, что мы сделали якобы антинемецкий фильм. Но это неправда. Наша картина — антифашистская, антивоенная. А в центральной сцене — сожжение деревни — действует целое международное собрание убийц, те, кого в свою воронку захватил фашизм с его идеологией, с его переступанием за моральную черту, за нравственные законы и барьеры. На экране — подонки всех мастей, но дело даже и не в этом. В 41-м году на нашу землю вторглись немцы, а люди определенной нации, зараженные чумой фашизма. Это была трагедия немецкого народа. И если в 45-м году после окончания войны многие немцы говорили, что тысячу лет немецкая нация будет отмаливать свои грехи и не известно, хватит ли тысячи лет, чтобы отомстить их, то, оказывается, хватило и сорока, и кое-кто в ФРГ уже требует все забыть. И ведь не только на улицах и площадях городов этой страны, но и в Англии, и США, и некоторых других капиталистических странах появляются открыто молодчики с фашистскими эмблемами, книги, авторы которых пытаются обелить нацистов, фильмы, сфабрикованные с целью их оправдания.

С другой стороны, слышат-

ся и такие голоса: зачем, мол, когда мы сотрудничаем, все снова вспоминать? В частности, в Мангейме (ФРГ) Алесю Адамовичу такой вопрос задал пожилой немец. Адамович не успел и рта раскрыть, как поднялись молодые зрители с возгласами: «А мы вообще ничего не знали!» И началась дискуссия. Молодые говорили, обращаясь к пожилому: «Вы от нас все скрывали. Ни школа, ни пресса, ни книги не рассказали нам о том, что вы делали в России. Мы считаем, что все молодые немцы должны посмотреть этот фильм, потому что нельзя жить честно, не зная своей истории».

Вспоминаю еще, как после показа фильма в Западном Берлине зрители в фойе окружили меня и не отпускали минут сорок. А в стороне, я заметил, стоял высокий молодой человек с каким-то очень ясным, хорошим лицом и лишь поглядывал в мою сторону. Я понял, что он ждет меня. И когда мы остались одни, он сказал: «Я дождался, чтобы сказать вам то, что хочу сказать. Ваш фильм потряс меня. И отныне та цель, ради которой вы сделали его, будет целью моей жизни. Клянусь, именно это я и хотел сказать вам один на один». Я даже не спросил его фамилию, потому что это было неуместно. Но ради одного такого разговора уже стоило снять картину. А в связи с большим интересом к фильму в Западном Берлине его демонстрацию продлили еще на неделю.

Вообще интерес к советскому кино во всем мире растет. Но, к сожалению, наши фильмы все же мало идут на западных экранах. При этом нередко, если они и покупаются какой-то страной, то в главные кинотеатры, наиболее крупные опять-таки не попадают. Почему? Прежде всего из-за экспансии больших американских кинокомпаний, которые захватили киноэкраны многих стран и прорваться не дают не только нам, но и вообще никому. В этом — одна из причин кризиса ряда национальных кинематографий. И тем не менее советский кинематограф может и должен шире выходить на мировой экран, потому что в лучших произведениях его отличается талант, высокая духовность, глубокий гуманизм, то есть самые основные человеческие принципы и принципы настоя-

щего искусства. Но как прорваться?

Для этого, с одной стороны, необходимо поднять технический уровень нашего кино. Это касается аппаратуры, пленки, оснащения студий и многого другого. Но это разговор для специальной статьи. А самое важное, конечно, — художественное качество нашей работы, содержание фильмов.

Большое произведение искусства, и кинематографического в том числе, может по-настоящему возникнуть только на основе правдивого разговора со зрителем. Зритель всегда чувствует, когда с ним говорят искренне, когда проблема ставится во всей ее полноте, когда художник не жалеет себя. А играть в правду нельзя, и это относится и к социальной теме, и к исторической, и вообще любой, которую берет в поле зрения фильм. Я за то, чтобы наше завтрашнее кино было более смелым в постановке и в решении и социальных, и нравственных проблем жизни нашего общества. Противоречия преодолеваются только в борьбе, в диалектике движения. Этой объективной истине и должен следовать кинематограф. Конечно, все 150 фильмов, появляющихся у нас каждый год, не могут быть шедеврами, но какая-то основная часть продукции высокого качества должна выражаться в более крупных единицах, чем сейчас.

А произойти это должно, по моему, в основном за счет молодой режиссуры. Ей предстоит сказать свежее, смелое слово в нашем кинематографе. За последнее время у нас выдвинулся ряд несомненных дарований. Но меня встревожил разговор, который был недавно с одним молодым режиссером.

— У нас в кино, — сказал он, — ничего хорошего поставить нельзя.

— А ты пробовал? — спросил я.

— Да и пробовать не буду, — ответил он.

Я опять:

— А ты попробуй.

— И не буду пробовать...

Увы, такую позицию занимает известная часть молодых. Значит, возникла какая-то атмосфера, в которой молодой человек, оканчивая киноинститут или сценарно-режиссерские курсы, уже заранее готов пассивно плыть по течению.

К сожалению, появилось немало молодых кинематографи-

стов, которые не хотят пробовать, доказывать, добиваться и становятся по сути дела циничными дельцами с самого первого фильма. Они берутся за постановку залежавшихся, плохих, никому не нужных сценариев. Они работают не для того, чтобы сказать людям что-то важное, чем затронута их душа, не для того, чтобы что-то изменить в мире, граждански выразить себя, а лишь чтобы, так сказать, покрасоваться в престижной роли кинорежиссера, жить в киноатмосфере и, естественно, получать за это деньги. К сожалению, именно на таких «режиссерах» студия порой и выполняет план, гонит «вал» никому не нужных фильмов. Я отнюдь не хочу сказать так про всех молодых режиссеров. Многие из них достойно продолжают традиции мастеров старших поколений. Ими созданы картины, завоевавшие признание и у нас, и за рубежом.

Но вот недавно закончился фестиваль молодых кинематографистов нашей студии «Мосфильм». Я поинтересовался: какому фильму присудили первый приз? Оказывается — никакому! Утверждают, что не за то было давать. А ведь в последние годы выдвижению молодых талантов было уделено немалое внимание всей общественности. Но всегда ли отбирались действительно таланты, те, которым можно поверить, что они создадут произведения истинного искусства?

Да, много у нас еще появляется фильмов «мотыльков», как мы их называем. Появляются на день-полтора и исчезают. Затрачиваются немалые

деньги, труд больших коллективов, дорогая пленка. Аппаратура изнашивается. Но самое страшное — изнашивается зрительское сознание. Мне кажется, что вообще смотреть плохие фильмы вредно. Почему? Потому что ничего бесследно не проходит. Какой-то осадок в какие-то поры организма попадает. Организм меняется, зашлачивается.

У нас бытует такое понятие «нужный фильм». Но если он несостоятельный с точки зрения искусства, то он не может быть нужным, он способен только повредить важной теме. Я слышал, что, скажем, во Франции часть снятых, завершенных, но неудавшихся фильмов вообще не выходит в прокат, потому что это невыгодно, разорительно. Ведь прокат стоит немалых денег, значит, выпуск плохого фильма еще больше увеличит убытки. А в нашем случае, я бы еще добавил, — принесет и моральный ущерб.

Но фильмы, кстади говоря, меняют не только зрителей, а и тех, кто их создает. Я лично за 20 лет, что работаю в кино, чувствую это на себе. Когда-то для меня невозможно было и подумать о создании такой картины, как «Иди и смотри». Сам опыт такой постановки, прикосновение к такой теме, методы работы, удача и неудача фильма (как, впрочем, и моих прежних работ) — все это на меня настолько повлияло, что я вынужден менять даже планы, которые казались мне важными, готовыми к воплощению. Творческая группа, с которой вместе я работал — художник, оператор и другие, — все мы думаем о том, как вообще в даль-

нейшем снимать. Фильм побудил нас отойти от привычных киноформ, и теперь обратно к ним вернуться мы уже не можем и не хотим повторять то, что уже сделали.

Вообще всякий новый жизненный материал, новый взгляд на него требует своего художественного решения. И главное, требует каждый раз как бы по-новому, глубже заглянуть в человека, потому что человек — это самое интересное на земле и, может быть, как ни парадоксально, самое нераспознанное. А кинематограф с его возможностями — и это моя давняя позиция — способен все более проникать в духовный мир человека. Кинорежиссер может зафиксировать за одну секунду экранного времени столько информации о человеке, для которой, чтобы ее описать, и то, конечно, в приближенных формах, литератору требуется много-много страниц.

В центре моего интереса остается и будет оставаться человек. Для меня приближение к человеку это всегда эксперимент с большой буквы, то есть искусство, которое ведет опыты по узнаванию нового. Дорога этих опытов поистине уходит за горизонт. Да и вообще эта дорога не имеет конца, как человек, которого древние называли мейрой всех вещей, не имеет дна. Значит, нет конца и нашему кинематографическому поиску.

Беседу вел
Г. КАПРАЛОВ.

На снимке: кадр из фильма «Иди и смотри».